

Лу Лисюань покачал головой:

— Нет, тогда было очень хаотично, я... я испугался и даже не подумал посмотреть наверх...

Казалось, он вспомнил ту сцену, и его лицо побледнело.

— Чжан Сыхань не могла покончить с собой! — твердо заявил он. — Она же сама мне говорила, что как только начнутся каникулы, она пойдет на встречу со своим кумиром. Билеты уже были забронированы. Она не могла совершить самоубийство!

Вэй Шуфан внезапно заговорил:

— Ты рассказал это полиции?

Лу Лисюань, похоже, не ожидал, что он заговорит, и вздрогнул, прежде чем ответить:

— Да, я рассказал учителям и полиции, но они все говорят, что Чжан Сыхань совершила самоубийство. Я даже тайком нашел ее родителей. Сначала они тоже не верили, что она могла покончить с собой, но потом поверили. Ее отец даже сказал мне, чтобы я не лез не в свое дело.

Он говорил это с явным негодованием.

— Родителей Чжан Сыхань, наверное, подкупили, я так и знал! Она говорила, что они давно развелись, у ее отца новая семья, и он почти не занимался ею. А теперь, когда с ней случилось несчастье, он даже не пытается выяснить правду. Это просто возмутительно!

— Мастер, вы должны мне помочь. Я могу только на вас надеяться.

Старый монах произнес «Амитофо» с выражением сострадания на лице:

— Молодой благодетель, задумывался ли ты, что ты будешь делать, когда узнаешь правду?

Лу Лисюань выглядел растерянным.

Для Лу Лисюаня важно было лишь как можно скорее узнать правду, он даже не думал о том, что будет делать после.

Он открыл рот:

— Я... я не знаю...

Чунмин, понимая, как обычно действует его учитель, добавил:

— Мой учитель имеет в виду, что, какова бы ни была правда, ты не сможешь использовать это как доказательство для полиции, и лучше никому об этом не рассказывать.

Ведь никто все равно не поверит.

Лу Лисюань, казалось, понял и после некоторого колебания кивнул:

— Я... я понимаю.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал старый монах. — Напиши имя и дату рождения твоего друга, обязательно точно.

Лу Лисюань на мгновение замер:

— Где... где писать?

Чунмин оторвал уголок коробки из-под гамбургера и протянул его Лу Лисюаню:

— Вот, здесь. Ручка у тебя есть?

Он взглянул на рюкзак, который Лу Лисюань все это время носил за спиной.

И это все? Лу Лисюань был в полуверии, но все же достал из рюкзака пенал, вытащил ручку и начал аккуратно выводить иероглифы.

Чунмин допил последний глоток колы, с тоской глядя на учителя. Он действительно пожалел, что заказал так мало еды. С его аппетитом, чтобы насытиться, нужно было как минимум десять гамбургеров.

Старый монах, ссылаясь на свою старческую слабость, быстро опустошил свою тарелку.

Пожалев Чунмина, который выглядел так жалко, Вэй Шуфан подвинул к нему свою почти нетронутую тарелку с вегетарианскими блюдами:

— Младший брат.

Чунмин, отпустив соломинку, обрадовался:

— Старший брат, ты делишься со мной?

— Угу, — Вэй Шуфан также подвинул к нему нетронутую миску с рисом.

— Спасибо, старший брат! — Чунмин широко улыбнулся, чувствуя себя тронутым. Какой добрый человек! Несмотря на холодный и неприступный вид, старший брат оказался очень добрым.

Двоюродная бабушка была права — нельзя судить о человеке по внешности.

Он взял пластиковый контейнер, который старый монах уже опустошил, и начал делить еду, оставляя половину для старшего брата.

— Все тебе, я не голоден, — остановил его Вэй Шуфан.

— Правда?

— Угу, — Вэй Шуфан спокойно ответил. — Я уже поел перед тем, как прийти.

Чунмин хотел было возразить, но, встретив его взгляд, согласился:

— Тогда я не буду церемониться, спасибо, старший брат!

И подарил ему лучезарную улыбку.

Чунмин с радостью взялся за еду, в то время как Вэй Шуфан едва заметно шевельнул бровью. Насколько он знал, учитель и ученик действительно жили в горах и лишь два месяца назад спустились в город. Однако поведение Чунмина не соответствовало образу деревенского парня.

Или не совсем соответствовало.

По манере еды можно многое узнать о человеке: его характер, происхождение и даже моральные качества.

Чунмин ел быстро, но его движения были не только не некрасивыми, но и обладали определенной грацией, не уступая так называемым «аристократам» из знатных семей, а даже превосходя их своей естественностью. Это была не та естественность, которая достигается годами тренировок, а та, что была впитана с молоком матери.

Это было очень интересно.

Лу Лисюань закончил писать, тщательно проверил написанное, закрыл ручку и протянул листок старому монаху:

— Мастер, я закончил. Что еще нужно сделать?

Старый монах допил последний глоток вина, сытый и довольный:

— Ничего.

Он не взял листок, а посмотрел на Вэй Шуфана:

— Возьми ты.

Вэй Шуфан на мгновение замер, но не стал отказываться и взял листок.

Старый монах сказал:

— Прочитай и мысленно спроси ее, была ли она убита или покончила с собой. Повторяй несколько раз, пока не получишь ответ.

Так просто? В сердце Лу Лисюаня забились тревога.

Чунмин замедлил движения палочками, с любопытством наблюдая за Вэй Шуфаном. Он тоже впервые видел, как это делается. Неужели так можно вызвать дух?

Вэй Шуфан медленно опустил длинные ресницы, скрывая темные глаза, и начал читать то, что было написано на листке:

— Чжан Сыхань, родилась...

По мере того как он читал, его холодный голос начал приобретать странную мелодичность.

В то же время в душной комнате внезапно стало ощущаться легкое, но зловещее похолодание, которое становилось все сильнее с каждым словом Вэй Шуфана.

Лу Лисюань испугался, его лицо побледнело, зубы начали стучать, и на лице появился страх. Хотя он сам пришел сюда за помощью, теперь, когда дело дошло до дела, он не мог не испугаться.

Старый монах закрыл глаза, сосредоточившись.

Цзин Хай, стоявший за Вэй Шуфаном, побледнел, его взгляд выражал шок, как будто его

мировоззрение было перевернуто.

Чунмин же оставался спокойным, ощущая лишь приятную прохладу, словно съел мороженое. Он продолжал есть, не отрывая глаз от Вэй Шуфана, полный любопытства.

Примерно через три-четыре минуты Вэй Шуфан остановился, слегка приподнял ресницы и спокойно произнес четыре слова:

— Погибла не своей смертью! Душа потеряна!

В тот же момент холод исчез.

Чунмин, сидевший напротив, случайно встретился с его взглядом и испугался. Глаза Вэй Шуфана стали полностью черными, без видимых зрачков, жуткими и зловещими. Однако это длилось лишь мгновение, и когда он посмотрел снова, глаза вернулись к своему обычному виду — мертвенно-тусклым, без единого проблеска света.

Показалось? Чунмин задумался.

Старый монах открыл глаза:

— Амитофо, молодой благодетель, похоже, твой друг действительно погиб не своей смертью.

Лу Лисюань, пережив все это, полностью поверил и покраснел:

— Я... я так и знал, Чжан Сыхань никогда бы не покончила с собой. Это точно сделали Чэнь Сюэ и другие...

Сказав это, он заплакал.

Старый монах нахмурился и покачал головой:

— Не обязательно.

Лу Лисюань вытер слезы:

— Кто еще, кроме них? В интернете все говорят, что это они, что они издевались над Чжан Сыхань!

Чунмин поддержал учителя:

— Учитель прав, не обязательно это они. Старший брат только что сказал, что душа потеряна, то есть ее душа исчезла. Я подсчитал, с момента ее смерти прошло меньше сорока девяти дней. Если бы она была убита обычным способом, ее душа не исчезла бы, и техника призыва духа не провалилась бы. Тут что-то не так!

Он посмотрел на старого монаха с выражением ожидания похвалы:

— Я прав, учитель?

Старый монах, чтобы порадовать его, подтвердил:

— Верно. В течение сорока девяти дней после смерти душа еще не уходит в цикл перерождений, поэтому техника призыва духа обычно успешна, особенно для невинно убитых

душ. Если бы твой друг был убит обычным способом, она бы появилась. Но она не только не появилась, но и явно потеряна. Это говорит о том, что здесь есть что-то большее.

Лу Лисюань выглядел растерянным, нахмурившись, словно пытаясь осмыслить сказанное.

Вэй Шуфан заговорил:

— Возможно, она стала призраком.

Старый монах ответил:

— Возможно.

Чунмин вытер рот и серьезно кивнул:

— Это возможно. Вероятность того, что невинно убитая душа станет призраком, выше, чем у обычной души. Но большинство из них становятся злобными призраками, а в худшем случае — свирепыми призраками. В таком случае мы должны поймать ее, иначе она обязательно начнет мстить тем, кто ее убил!

— Нет! — тут же закричал Лу Лисюань. — Не ловите ее! Что плохого в том, что она мстит? Убийца должен заплатить своей жизнью!

— Бум! — Старый монах внезапно ударил ладонью по столу, раздался громкий звук, и стол затрясся, посуда на столе подпрыгнула. — Чушь!

Лу Лисюань вздрогнул.

Авторские примечания: Обновление!

Спасибо:

Wiqihі бросил 1 мину. Время броска: 2017-04-08 23:29:25

Таньти и Фань объединили цветы бросил 1 минуту. Время броска: 2017-04-09 00:41:45

<http://bllate.org/book/16737/1539928>